ЗАМѢТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Н. С. ГОЛИЦЫНА.

Н. И. Гречъ.—Н. А. Полевой.—А. П. Башуцкій.—Ѳ. Н. Глинка.—Одежды при Александрѣ I и Николаѣ I.—Перемѣны въ одеждѣ и въ складѣ обыденной жизни.—Юродство и шутовство.

Еслибы собрать остроты Н. И. Греча—всѣхъ набралось бы множество. Какъ извѣстно, онъ былъ остеръ и находчивъ. Привожу нѣсколько, которыя запомнилъ.

Однажды передъ засѣданіемъ, кажется въ Академіи Наукъ, когда только еще собирались на оное, Н. И. Гречъ сидѣлъ въ проходной комнатѣ на подоконникѣ и болталъ съ пріятелями. Одинъ изъ нихъ говоритъ ему: «Ну, на кого ты похожъ, Н. И., вѣдь ты одѣтъ сапожникомъ!»—А Н. И. отвѣчаетъ: «Да я и точно сапожникъ: набиваю ученымъ головки», (техническій терминъ у сапожниковъ—набивать сапожныя головки на колодки).

* * *

Въ издаваемой Гречемъ «Сѣверной Пчелѣ», въ фельетонахъ о новыхъ книгахъ, журнальныхъ статьяхъ и т. п., такъ и сыпались иногда краткія и довольно мѣткія его остроты. Предметомъ ихъ, между прочимъ, бывалъ Полевой, издававшій въ Москвѣ «Московскій Телеграфъ», но плохо знавшій или вовсе не знавшій французскаго языка и дѣлавшій грубыя ошибки въ немъ. Однажды, когда въ модѣ былъ сѣрый цвѣтъ женскихъ матерій, по французски gris-poussière, Полевой перевелъ это по русски словомъ «грипусьѐ». А Н. И. отвѣчалъ на это коротко: «грипусьé?—Вуй, мусьé!» и только. Въ другой разъ Полевой перевелъ слово doyen d'age (старѣйшій лѣтами временный предсѣдатель собранія) русскимъ словомъ дойендауге! Этотъ переводъ послужилъ Н. И. предметомъ многихъ смѣшныхъ остротъ въ «Сѣв. Пчелѣ», которыхъ не припомню; знаю только, что съ этимъ «дойендауге» онъ долго не давалъ покоя Полевому.

Въ 1830-хъ годахъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ была извѣстна семья Салтыковыхъ: отецъ Сергѣй Васильевичъ—большой злоязычникъ, двѣ дочери дѣвицы—не уступавшія ему въ этомъ, и младшій сынъ, занимавшійся бездѣльемъ, ежедневно слонявшійся по Невскому проспекту и однажды вздумавшій издать собственнаго издѣлія книженку подъ заглавіемъ «Романъ въ двухъ главахъ». А въ «Сѣв. Пчелѣ» въ фельетонѣ тотчасъ явилась критика Н. И. Греча: «Романъ въ двухъ главахъ, а критика въ двухъ словахъ: «очень плохо».

* * *

Покойный пріятель мой А. П. Башуцкій разсказывалъ, что бывъ адъютантомъ трехъ Спб. военныхъ генералъ-губернаторовъ сряду: графа Милорадовича, Голенищева-Кутузова и Эссена, онъ съ товарищами иногда одѣвались во фризовыя шинели (которыя носились тогда простонародьемъ) и отправлялись въ своего рода этнографическія экспедиціи, для изученія простонародныхъ нравовъ, въ любимыя мѣста собраній простонародья — въ кабачки, на окраинахъ города. Тамъ они садились въ уголку, потребовавъ, для вида, вина или пива, наблюдали и потомъ записывали происходившія сцены.

Однажды они записали слѣдующую сцену: передъ стойкой тѣснилась большая толпа, въ хвостѣ стоялъ рослый гвардейскій солдатъ, а передъ нимъ все вертѣлся низенькій мужичонка, преграждавшій ему путь къ стойкѣ. Выведенный изъ терпѣнія, солдатъ перевернулъ его за плечо къ себѣ, ударилъ его рукою на отмашь въ щеку и величественно проговорилъ: «Дуракъ! ты не знаешь, что русскій солдатъ всегда человѣкъ откровенный и партикулярный!» Вся толпа обернулась и почтительно пропустила его къ стойкѣ.

* * *

У Θедора Николаевича Глинки въ 1820-хъ годахъ (до 1825 г.) бывали домашнія собранія ученыхъ и литераторовъ, большею частію уже немолодыхъ и чиновныхъ. При входѣ новаго гостя Θ. Н. рекомендовалъ ему присутствовавшихъ словами: «Все тайные совѣтники, но явные друзья».

Въ числѣ гостей почти всегда бывалъ Н. И. Гречъ, который по обыкновенію такъ и сыпалъ своими остротами и смѣшными разсказами, имъ же нѣсть числа. Самъ же Θ. Н. Глинка, замѣчательный поэтъ и духовный стихотворецъ, былъ также большой оригиналъ и на словахъ, и по наружности, и одеждѣ: всегда въ высокомъ до ушей бѣломъ галстухѣ, фракѣ или сюртукѣ тогдашняго покроя и въ гусарскихъ сапогахъ съ кисточками.

* * *

Какъ одѣвались лица образованнаго сословія въ 1-й половинѣ XIX вѣка въ Россіи?—Съ воцареніемъ Александра I, гоненія Павла I на французскія моды прекратились и моды эти снова вступили въ свои права, какъ для мужскаго пола, такъ особенно для женскаго, и именно моды временъ французской имперіи. Но при этомъ отъ 18-го вѣка у мущинъ сохранилось еще пудреніе волосъ и ношеніе бѣлыхъ чулковъ съ башмаками, лишь для выѣздовъ и выходовъ въ дурную или холодную погоду облекаемыхъ сверху въ высокіе сапоги (въ родѣ гусарскихъ). Круглыя шляпы замѣнили треугольныя (исключая парадной формы придворныхъ и гражданскихъ чиновъ). Бѣлый галстухъ очень высокій, до ушей, былъ тогда и во всѣхъ случаяхъ обязательнымъ, даже до 1830-хъ годовъ.

* * *

У военныхъ форма изъ прежней прусской измѣнилась во французскую—съ мундирами, у которыхъ талія была очень высока и сзади узкія фалды, а воротники высокіе до ушей и застегнуты до подбородка на 4 крючка; на ногахъ носились постоянно мягкіе ботфорты (кромѣ легкой кавалеріи), а на головахъ треугольныя шляпы съ бѣлыми или черными султанами. Вся одежда военныхъ была узкая, въ обтяжку и вообще очень неудобная.

* * *

Женская одежда также носилась по Парижскимъ модамъ временъ имперіи: съ высокой таліей, короткими до обуви платьями, а головные уборы—высокіе съ буклями по сторонамъ, а въ особенно нарядныхъ случаяхъ съ разными токами (toques), беретами (bérets) и т. п., съ перьями и цвѣтами. Все это существовало, болѣе или менѣе, во все царствованіе Александра I, въ женскихъ уборахъ и нарядахъ—кое-что съ измѣненіями по парижскимъ модамъ.

* * *

По воцареніи Николая I тотчасъ послѣдовало важное и полезное измѣненіе въ военной формѣ: отмѣна ботфортъ (исключая парадной формы генераловъ), и ношеніе панталонъ съ выпушкой до низу. Но высокіе воротники и талія и вся одежда въ обтяжку сохранились по прежнему, равно какъ и треугольныя шляпы съ султанами, замѣненныя лишь въ 1846 г. касками по образцу прусскихъ, съ волосяными бѣлыми или черными султанами. Въ одеждѣ гражданскихъ чиновъ долго еще сохранялись прежнія формы съ чулками и башмаками, но только въ парадныхъ случаяхъ. Обыкновенная же мужская и женская одежда носилась сообразно съ парижскими модами и у мущинъ съ бѣлыми галстухами и съ гусарскими сапогами.

Но послѣ 2-й французской революціи 1830 года все измѣнилось

въ мужской и женской одеждѣ по образцамъ парижскимъ. Вмѣсто бѣлыхъ галстуховъ воцарились черные, вмѣсто высокихъ сапогъ—панталоны до низу, а фраки и жилеты у модниковъ, въ подражаніе Парижу, стали появляться разноцвѣтные съ разнообразными затѣйливыми пуговицами. Императору Николаю Павловичу эти моды не нравились, и хотя не запрещались, но считались неприличными. Въ женскихъ же парижскихъ модахъ произошла та перемѣна, что таліи и платья стали опускаться все ниже и ниже, а головные уборы съ множествомъ буклей и огромными шляпами въ родѣ кибитокъ, съ цвѣтами и перьями, достигали даже до безобразія.

Во 2-й половинѣ царствованія имп. Николая Павловича, какъ въ военной и гражданской формѣ, такъ и въ частныхъ одеждахъ, мужскихъ и женскихъ, стали постепенно происходить измѣненія. Въ военной формѣ, вмѣсто высокихъ воротниковъ и талій—болѣе низкіе, вмѣсто узкихъ мундировъ и сюртуковъ въ обтяжку—болѣе широкіе (примѣръ тому подавалъ самъ государь, а за нимъ л.-гв. Преображенскій полкъ); но ботформы въ генеральской парадной формѣ сохранялись по прежнему. Въ парадной формѣ придворныхъ и гражданскихъ чиновъ уже были отмѣнены чулки и башмаки, а вмѣсто нихъ введены бѣлые панталоны съ галуномъ. Въ частной же одеждѣ мужской и женской по прежнему происходили измѣненія по парижскимъ образцамъ.

* * *

Съ воцареніемъ императора Александра II военная форма была совершенно измѣнена изъ мундировъ съ фалдами въ полукафтаны, ботфорты отмѣнены (кромѣ кирасировъ), а вмѣсто нихъ въ парадной формѣ установлены красные панталоны (по французскому образцу) съ золотымъ галуномъ, и въ военной формѣ вообще много упрощено, облегчено и стало свободнѣе, причемъ введено ношеніе очень удобныхъ плащей (пальто). Головной уборъ часто мѣняли, именно во французское кепи и т. п.

Наконецъ, съ воцареніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра III военная форма, наконецъ, изъ прежней прусской и французской, превратилась въ народную, русскую—полукафтаны съ кушаками, болгарскими мѣховыми шапками на головѣ и высокими до колѣнъ сапогами и съ дозволеніемъ притомъ всѣмъ военнымъ чинамъ носить бороды.

Все это придало нашей арміи русскую народную наружность, совершенно отличную отъ западно-европейскихъ.

Что касается мужскихъ и женскихъ нарядовъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, то о нихъ слѣдуетъ повторить то же, что уже не разъ сказано выше.

Вотъ вкратцѣ исторія преобразованій въ нашей оффиціальной и частной одеждѣ въ 81 годъ сначала XIX вѣка въ образованномъ сословіи. Но и въ среднемъ, городскомъ, произошло тоже немало перемѣнъ по западнымъ образцамъ; въ низшемъ же, сельскомъ, за нѣкоторыми исключеніями, такихъ особенныхъ перемѣнъ не было.

***

Къ перемѣнамъ въ одеждѣ слѣдуетъ прибавить преобразованія въ иныхъ житейскихъ предметахъ, напримѣръ времени суточнаго употребленія пищи, способахъ городскихъ передвиженій и проч. Въ отношеніи къ первому мы въ наше время удалились отъ старины къ антиподамъ.

До самыхъ временъ Петра I наши предки вставали съ пѣтухами и въ 3 часа утра шли къ утрени и обѣднѣ натощакъ, а только послѣ обѣдни обѣдали въ полдень, послѣ обѣда спали, и долго, а вечеромъ по захожденіи солнца вечеряли, и долго и исправно и ѣли и пили. Съ онѣмеченіемъ Россіи Петромъ I многое изъ прежняго русскаго обычая измѣнилось: началось питіе кофе (чая, кажется, позже), фриштики, обѣды отъ полудня и позже не далѣе 2 час. съ кофепіеніемъ, и вечеромъ ужины, болѣе или менѣе ранніе или поздніе, трезвые или нетрезвые (послѣднихъ гораздо болѣе).

Позже во всемъ XVIII вѣкѣ при дворѣ, а за нимъ и въ обществѣ, обѣдали въ 2 ч. и ужинали по захожденіи солнца. Въ XIX же вѣкѣ началась эмансипація по парижскому образцу: установилось четырехкратное кормленіе,—утреннее, полуденное (полдникъ), обѣденное (при дворѣ и въ обществѣ въ 4 ч.) и вечернее. Съ ходомъ времени утреннее и полуденное (въ родѣ малаго обѣда) въ прежніе часы, но обѣды происходили все позже и теперь замѣнили прежніе ужины (въ 6, 7 и даже 8 час. вечера).

***

Способы передвиженій въ столицахъ и большихъ городахъ Россіи тоже очень разнообразились; въ 1700—50-хъ годахъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ въ рыдванахъ (каретахъ того времени), а въ среднихъ и низшихъ сословіяхъ—въ разныхъ немудреныхъ перевозочныхъ способахъ: одноколкахъ, линейкахъ, телѣжкахъ и т. п. Извощиковъ, въ родѣ нынѣшнихъ, не было, а ихъ понемногу стали замѣнять разныя общественныя повозки. Но при Екатеринѣ II въ столицахъ стали появляться уже извощики съ чудовищными одноколками — дрожками «гитарами», съ сидѣніемъ на нихъ верхомъ, какъ на сѣдлѣ. Ѣзда въ каретахъ болѣе 100—150 лѣтъ производилась въ 4 и 6 лошадей цугомъ, съ форрейторами (по русски «фалетурами») и съ 2-мя и даже 3-мя ливрейными лакеями на запяткахъ; безъ нихъ и обойтись нельзя

было, потому что кареты были на высокомъ ходу и входить въ нихъ и выходить изъ нихъ можно было по опускной трехколѣнной подножкѣ. Но при Николаѣ I все это стало постепенно измѣняться изъ стараго въ новое и изъ безобразнаго въ болѣе приличное и удобное. И этимъ постепеннымъ ходомъ мы дошли, наконецъ, до теперешнихъ двуконныхъ, двумѣстныхъ и четырехмѣстныхъ легкихъ каретъ на лежачихъ рессорахъ и резиновыхъ шинахъ и до подобнаго же рода легкихъ щегольскихъ колясокъ, дрожекъ, не исключая изъ послѣднихъ и извощичьихъ (пока еще безъ «верха» въ Петербургѣ, тогда какъ они давно имѣются въ Москвѣ и даже Царскомъ селѣ и Павловскѣ).

Вотъ какого «прогресса» въ вышеизложенномъ мы достигли въ два безъ малаго вѣка!

***

Въ до-петровскую старину въ Россіи процвѣтало юродство и шутовство. Изъ числа юродивыхъ (уродивыхъ) достойно выдѣляются бывшіе такими по истинному духовному настроенію, проводившіе святую жизнь и по смерти признанные церковью святыми и блаженными. Такими были, напримѣръ, св. Василій, Іоаннъ и Максимъ Блаженные, мощи которыхъ почиваютъ въ Москвѣ, и многіе другіе въ разныхъ мѣстахъ.

Но, за исключеніемъ ихъ, всѣ прочіе—публичные уличные юродивые были большею частію тунеядцы, плуты и негодные люди, морочившіе и обиравшіе народъ. Но были другаго рода юродивые не на улицахъ, а въ домахъ барскихъ и даже царскихъ, съ придачей къ нимъ разныхъ уродовъ, карловъ и карлицъ и т. п. Страсть къ нимъ была всеобщая, доказывавшая лишь низкое состояніе тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ. Къ немалому удивленію, эта страсть къ юродивымъ и шутамъ перешла въ обновленную Петромъ I Россію даже, до конца XVIII вѣка и почти до половины XIX-го. У самаго Петра I былъ извѣстный шутъ Балакиревъ, а у Анны Іоанновны придворныхъ шутовъ была цѣлая ватага (въ томъ числѣ князь Голицынъ, обвѣнчанный съ шутихой-калмычкой въ Ледяномъ домѣ, зимою, на Невѣ!). Они составляли обычную ежедневную забаву Анны Іоанновны. И позже, во времена Елизаветы Петровны и даже Екатерины II шуты не переводились въ барскихъ домахъ. Но немалаго удивленія заслуживаетъ то, что барскіе шуты существовали и при Александрѣ I и даже въ 1-й половинѣ царствованія Николая I, хотя и въ меньшемъ противъ прежняго числѣ. Въ доказательство того можно привесть извѣстнаго въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ въ Москвѣ и Петербургѣ барскаго шута Ивана Савельича.

***

Савельичъ былъ преоригинальная личность, кажется изъ отставныхъ приказныхъ, не лишенный нѣкотораго образованія. Онъ былъ человѣкъ не молодой, но и не очень старый, далеко не глупый, но большой плутъ, умѣвшій сдѣлаться любимцемъ высшаго общества и особенно дамъ. Они такъ избаловали его, что безъ него не обходилось ни одно собраніе въ высшемъ обществѣ, и онъ позволялъ себѣ, какъ съ мущинами, такъ и съ дамами и даже дѣвицами невѣроятныя шутовства въ рѣчахъ и словахъ. Эти нравы въ Москвѣ вѣрно изобразилъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи «Горе отъ ума» и въ ея стихѣ: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Савельичъ былъ въ этихъ чопорныхъ собраніяхъ до такой степени безстыжимъ и развязнымъ, что теперь даже трудно повѣрить тому. Вотъ, напримѣръ, что онъ позволялъ себѣ съ дамами и дѣвицами, особенно красивыми. Подходя къ нимъ, онъ сначала ржалъ, какъ припускной жеребецъ, потомъ храпѣлъ подобно ему, и наконецъ, производилъ ртомъ неприличный въ порядочномъ обществѣ звукъ! И что же было отвѣтомъ на это? Хи, хи, хи и ха, ха, ха? Въ подобномъ родѣ были и всѣ его выходки, которыя онъ позволялъ себѣ потому, что ихъ позволяли ему, къ стыду тогдашняго московскаго высшаго общества. Но, кажется, что при этихъ шутовствахъ своихъ, онъ не прочь былъ служить и посредникомъ въ любовныхъ дѣлахъ... Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ въ Петербургѣ, но уже далеко не въ той силѣ и славѣ, какъ бывало въ Москвѣ. Онъ былъ уже въ бѣдности и жилъ тѣмъ, что продавалъ въ разносъ дамскія шляпки, которыя дѣлали его дочери, причемъ, продавая эти шляпки, всякому приговаривалъ: «Ангелъ Божій!» А въ 1835—1836 гг. въ Петербургѣ былъ другой барскій шутъ, но уже въ другомъ родѣ и не чета Савельичу. Его приручили, какъ звѣря, къ себѣ одинъ баринъ и его пріятель, оба охотники до шутовъ и шутовства. Они одѣли его франтомъ, завивали его у парикмахера, румянили его и развозили съ собою къ знакомымъ, позволяя ему врать, но до извѣстной мѣры. И онъ также позволялъ себѣ многое, даже передъ дамами.

Жалкія существа и такого рода шуты, и тѣ, которые забавлялись ими!

Этимъ послѣднимъ и кончились уже подобныя безобразія въ порядочномъ обществѣ первой половины XIX вѣка.

Кн. Н. С. Голицынъ.